

ИГРА

Страсть к игре наложила большой отпечаток на творчество Федора Михайловича Достоевского и его взаимоотношения с окружающими. Все, что сочинил Достоевский об игре, не идет ни в какое сравнение с его собственной игрой жизнью. Некоторое представление о ней дают выдержки из его писем жене:

Ф. М. Достоевский — А. Г. Достоевской

(Hombourg, 18 мая 1867, 10 часов утра. Суббота.)

...Здравствуй, Ангел мой, Аня... А тут игра, от которой оторваться не могу. Можешь представить, в каком я был возбуждении. Представь же себе: начал играть еще утром и к обеду проиграл 16 империалов. Оставалось только 12 да несколько талеров. Пошел после обеда с тем, чтобы быть благодарнее донельзы и, слава Богу, отыграл все 16 проигранных да сверх того выиграл 100 гульденов. А мог бы выиграть 300, потому что уже были в руках, да рискнул и спустил. Вот мое наблюдение, Аня, окончательное: если быть благодарным, то есть быть как из мрамора, холодным и нечеловечески осторожным, то непременно, без всякого сомнения, можно выиграть сколько угодно. Но играть надо много времени, много дней, довольствуясь малым, если не везет, и не бросаясь насильно на шанс. Есть тут один...: он играет уже несколько дней, с ужасным хладнокровием и расчетом, нечеловеческим (мне его показывали), и его уже начинают бояться банк: он забрывает деньги и уносит каждый день по крайней мере 1000 гульденов. — Одним словом, постараюсь употребить нечеловеческое усилие, чтоб быть благодарнее, но, с другой стороны, я никак не в силах оставаться здесь несколько дней. Безо всякого превеличения, Аня: мне до того уже все противно, то есть ужасно, что я бы сам собой убежал...

...А между тем это наживание денег даром, как здесь (не совсем даром: платишь мукой), имеет что-то раздражительное и одуряющее, а как подумаешь, для чего нужны деньги, как подумаешь о долгах и о тех, которым кроме меня надо, то и чувствуешь, что отойти нельзя. Но воображаю же муку мою, если я проиграю и ничего не сделаю: столько пакости принять даром и уехать еще более нищему, нежели приехал...

(Hombourg, Воскресенье 19 мая 1867, 10 часов утра.)

...День вчера был для меня прескверный. Я слишком значительно (судя относительно) проигрался. Что делать: не с моими нервами, ангел мой, играть. Играл часов десять, а кончил проигрышем. Было в продолжение дня и очень худо, был и в выигрыше, когда счастье переменалось — все расскажу, когда приеду. Теперь на оставшиеся (очень немного, капелюк) хочу сделать сегодня последнюю пробу...

...Употреблю последние усилия. Видишь: усилия мои каждый раз удаются, покамест я имею хладнокровие и расчет следовать моей системе; но как только начнется выигрыш, я тотчас начинаю рисковать, сладить с собой не могу; ну что-то скажет последняя сегодняшняя проба. Поскорей бы, жуж...

Р. S. Подробней сколько выиграл, сколько проиграл не пишу; все расскажу при свидании. Одним словом, покамест плохо...

(Hombourg, Понедельник 20 мая 1867, 10 часов утра.)

...Вершишь ли: я проиграл вчера все, все до последней копейки, до последнего гульдена, и так и решил писать тебе поскорей, чтоб ты прислала мне денег на выезд. Но вспомнил о часах и пошел к часовщику их продать или заложить. Здесь это ужасно все обыкновенно, то есть в игорном городе. Есть целые магазины золотых и серебряных вещей, которые только тем и промышляют. Представь себе какие полные эти немцы: он купил у меня часы, с цепочкой (стоили мне 125 руб. по крайней цене) и дал мне за них всего 65 гульденов, то есть 43 талера, то есть почти в 2,5 раза меньше. Но я продал с тем, чтоб он дал мне одну неделю срока и что, если я в течение недели никак выкупить, то он мне отдаст, разумеется с процентом. И представь себе, на эти деньги я все-таки отыгрался и сегодня пойду сейчас выкупить часы. Затем у меня останется 16 фридрихсдорфов. Я отыграл их тем, что переломил себя вчера и решительно не давал себе увлекаться. Это дает мне некоторую надежду. Но боюсь, боюсь. Что-то скажет сегодняшний день...

(Hombourg, Вторник 21 мая 1867, 10 часов утра.)

...Милый мой ангел, вчера я испытал ужасное мучение: иду, как кончил к тебе письмо, на почту, и вдруг мне отвечают, что нет от тебя письма. У меня ноги подкосились...

...С час я ходил по саду, весь дрожа; наконец, пошел на рулетку и все проиграл. Руки у меня дрожали, мысли терлились и даже проигрывая почти как-то рад был, говорил: пусть, пусть. Наконец, весь проигравшись (а меня это даже и не поразило в ту минуту), ходил часа два в парке, бог знает куда зашел; я понимал всю мою беспомощность; решил, что если завтра, то есть сегодня, не будет от тебя письма, то ехать к тебе немедленно. А с чем? Тут я воротился и пошел опять заложить часы...

...Закладные за часы почти проиграл, всего у меня теперь двадцать пять флоринов, а надо расплатиться в отеле, надо заплатить за дорогу...

...Слушай же: игра кончена, хочу поскорее воротиться; пришли же мне немедленно, сейчас как получишь это письмо, двадцать (20) империалов. Немедленно, в тот же день, в ту же минуту, если возможно. Не теряй ни капли времени. В этом величайшая просьба моя...

...А главное, спешу послать. Завтра или послезавтра подадут в отеле счет, и если не будет еще денег от тебя, надо идти к хозяину извиняться, тот, пожалуй, пойдет в полицию: избавь меня от этого мучения, то есть выслай скорее...

...Ради бога, давай банкиру адрес точнее, Hombourg, а не Homburg напиши адрес на бумаге. Буду ждать с нетерпением. Получив же, сразу приеду...

Р. S. Ради бога, торопись с деньгами. Поскорей бы только отсюда выехать! Деньги адресуй poste restante. Замучил я тебя, ангел мой!

В дневнике жены Достоевского сохранилась запись об этом письме: «...Я уже приоткрылась к содержанию письма, именно, что все проиграно и что надо послать деньги, так что оно меня несколько не удивило. Но я была очень рада и счастлива, что Федя так меня любит, что он так испугался, когда не получил моего письма» (А. Г. Достоевская. Воспоминания).

(Hombourg, Среда 22 мая 1867, 10 часов утра.)

...Прости меня, ангел мой, но я войду в некоторые подробности насчет моего предприятия, насчет этой игры, чтоб тебе ясно было, в чем дело. Вот уже раз двадцать подхожу к игорному столу, я сделал опыт, что если играть хладнокровно, спокойно и с расчетом, то нет никакой возможности проиграть! Клянусь тебе, возможности даже нет! Там слепой случай, а у меня расчет, следовательно, у меня перед ними шанс. Но что обыкновенно бывало? Я начинал обыкновенно с сорока гульденов, вынимал их из кармана, садился и ставил по одному, по два гульдена. Через четверть часа, обыкновенно (всегда) выигрывал вдвое. Тут-то бы и остановиться, и уйти, по крайней мере до вечера, чтоб успокоить возбужденные нервы (к тому же я сделал замечание (вернейшее), что я могу быть спокойным и хладнокровным за игрой не более как полчаса сряду). Но я отходил только чтоб выкурить папироску и тотчас же бежал опять к игре. Для чего я это делал, зная наверное почти, что не выдержу, то есть проиграю? А для того, что каждый день, вставая утром, решил про себя, что это последний мой день в Гомбурге, что завтра уеду, а следовательно, мне нельзя было выжидать у рулетки. Я спешил поскорее, изо всех сил, выиграть сколько можно более, зараз в один день (потому что завтра ехать), хладнокровие терялось, нервы раздражались, я пукался рисковать, сердился, ставил уже без расчета, который терялся, и — проигрывал (потому что кто играет без расчета, на случай, тот безумец)...

...Отправив тебе письма, с просьбою выслать деньги, я пошел в игорную залу; у меня оставалось в кармане всего-навсего двадцать гульденов (на всякий случай), и я рискнул на десять гульденов. Я употребил сверхъестественное почти усилие быть целый час спокойным и расчетливым, и кончилось тем, что я выиграл тридцать золотых фридрихсдорфов, то есть 300 гульденов. Я был так рад и так страшно, до безумия захотелось мне сегодня же поскорее все покончить, выиграть еще хоть вдвое и немедленно ехать отсюда, что, не дав себе отдохнуть и опомниться, бросился на рулетку, начал ставить золото и все, все проиграл, до последней копейки, то есть осталось всего два гульдена на табак...

Играя помаленьку, каждый день, возможности нет не выиграть, это верно, верно, двадцать опытов было со мною, и вот, зная это наверное, я выезжаю из Гомбурга с проигрышем; и знаю тоже, что если б я себе хоть четыре только дня мог дать еще срок, то в эти четыре дня я бы наверное все отыграл. Но уж конечно я играть не буду!

(Hombourg, 24 мая 1867, 10 часов утра.)

...Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я все проиграл, что ты мне прислала, все, все до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл! Аня, как я буду теперь глядеть на тебя, что скажешь ты про меня теперь! Одно, и только одно ужасает меня: что ты скажешь, что подумаешь обо мне? Один твой суд мне и страшен! Можешь ли, будешь ли ты теперь меня уважать! А что и любовь без уважения! Ведь этим весь наш брак поколебался. О, друг мой, не вини меня окончательно!

...При наших и без того скверных обстоятельствах, я извел на эту поездку в Гомбург и проиграл с лишком 1000 франков, до 350 руб! Это преступление!

Да что теперь оправдываться. Теперь поскорей к тебе. Присылай скорей, сию минуту денег на выезд, — хотя бы были последние. Не могу я здесь больше оставаться, не хочу здесь сидеть. К тебе, к тебе скорее, обнять тебя...

...Десять империалов, то есть 90 с чем-то гульденов, чтоб только расплатиться и доехать. Сегодня пятница, в воскресенье получу и в тот же день во Франкфурт, а там возьму Schnellzug и в понедельник у тебя.

что ты одна у меня спасительница и никого в целом мире нет, кто бы любил меня. Вспомни тоже, Аня, что есть несчастия, которые сами в себе носят и наказание. Пишу и думаю: что с тобою будет? Как на тебя подействует, не случилось бы чего! А если ты меня пожелашь в эту минуту, то не жалея, мало мне этого!...

...Теперь, Аня, верь мне или не верь, но я клянусь тебе, что не имел намерения играть! Чтобы ты поверила мне, я признаюсь во всем: когда я просил у тебя телеграммой 30 талеров, а не 25, то я хотел на пять талеров еще рискнуть, но и то не наверное. Я рассчитывал, что если останутся деньги, то я все равно привезу их с собой. Но когда я получил сегодня 30 талеров, то я не хотел играть...

...Ты для меня все свое заложила в эти 4 года и скиталась за мною в тоске по родине! Аня, Аня, вспомни тоже, что я не подлец, а только страстный игрок...

...У меня осталось полтора талера мелочью, стало быть, на телеграмму есть (15 грошей)...

...Аня, спаси меня в последний раз, пришли мне 30 (тридцать талеров)...

...Аня, я лежу у твоих ног и целую их, и знаю, что ты имеешь полное право презирать меня, а стало быть, и подумывать: «Он опять играть будет». Чем же поклянусь тебе, что не буду; я уже тебя обманул. — Но, ангел мой, пойми: ведь я знаю, что ты урешь, если б я опять проиграл! Не сумасшедший же я вовсе! Ведь я знаю, что сам тогда я пропал. Не буду, не буду, не буду и тотчас приеду! Верь. Верь в последний раз и не раскаешься: Теперь буду работать!...

В дневнике жены Достоевского сохранилась запись об этом письме: «...Федор Михайлович так часто говорил о несомненной гибели своего таланта, так мучался мыслью, чем он прокормит свою все увеличивающуюся и столь дорогую для него семью, что я иногда приходила в отчаяние. Чтобы успокоить его тревожное настроение и отогнать мрачные

своего слова. Однако счастье это осуществилось, и это был действительно последний раз, когда он играл на рулетке. Впоследствии свои поездки за границу (1874, 1875, 1876, 1879 гг.) Федор Михайлович ни разу не подумал поехать в игорный город. Правда, в Германии вскоре были закрыты рулетки, но существовали в Спая, Саконе и в Монте-Карло. Расстояние не помешало бы мужу съездить туда, если б он пожелал. Но его уже более не тянуло к игре. Казалось, эта «фантазия» Федора Михайловича выиграть на рулетке была каким-то наваянным или болезненным, от которой он внезапно и навсегда исцелился» (А. Г. Достоевская. Воспоминания).

Ю. Селезнёв в своем исследовании «Достоевский» анализирует духовную сторону этой страсти Федора Михайловича: «...В Бадене, сняв номер из двух сообщающихся комнат, он оставил Полину (Аполлинару Суслую — сест.) приводить себя в порядок с дороги, а сам куда-то убежал.

Еще в первый приезд в Европу его вдруг поманило испытать судьбу на рулетке в одном из игорных домов. Тогда, неожиданно для себя, он легко выиграл десять тысяч франков. С тех пор мысль о рулетке постоянно томилась... Собственно, всякая азартная игра всегда имела на него какое-то непонятное притягательное, которому невозможно было противиться, влияние. Сначала он стыдился своего увлечения, потом нашел ему оправдание: ему-де как писателю просто необходимо испытать на себе и эту страсть, владеющую натурой игрока. Затем вдруг ощутил невозможность и даже совершенное нежелание противиться этой страсти: в ней была своя поэзия риска и поэзия надежды, то всеохватывающее состояние переступания за очерченную судьбой черту, леденящее душу и вместе доводящее до восторга, о котором и Пушкин писал: «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю...» Да, игра — это бой, схватка с невидимым, но могучим и коварным противником — вечно усмевающимся над человеком, слепым роком; это дерзкий вызов случаю, отчаянная попытка своей собственной волей изменить круг предначертанности. И разве же не были в этом смысле игроками и Магомет и Наполеон? Разве не поставили они на карту и собственную жизнь, и жизни миллионов людей, круто изменив привычный ход истории? А Гомер и Шекспир? Да и сам он не переступил ли черту судьбы, подготовившую ему путь военного чиновника, но он поставил на «Бедных людей» и выиграл. Ведь выиграл же? И ад мертвого дома прошел — теперь он чувствовал неодолимое желание пройти и ад рулетки, этой игры с жизнью. Потому что это действительно ад или, вернее, один из кругов его, образ и символ преисподней. Жизнь, совесть, честь, любовь — все святое бросается в общее, крутящееся пекло колеса рулетки, перемешивается с франками, талерами, слитками золота, тысячами, сотнями тысяч, может быть, и с миллионом — и... мгновения ожидания — адское колесо крутится, крутится, и кажется, в нем сосредоточена сейчас вся вселенная со всеми своими страстями, надеждами и возможностями, но — остановилось — и тут самый страшный, самый критический миг: кто выиграл, кто проиграл — ты или рок? Что на что обменяно? Нет, тут не просто корысть, тут в несколько минут переживаешь ощущение вечности...

Еще в 59-м, в Семипалатинске прочитал он надолго запавшую в сознание статью — «Из записок игрока», рассказывающую о нравах игорных домов Баден-Бадена, Гомбурга, Висбадена, Женевы, где порою в считанные минуты выигрываются и проигрываются целые состояния, где вчерашние нищие становятся миллионерами, а миллионеры — самоубийцами. «В Висбадене, — читал он, — еще очень недавно молодой человек, проигравший там все свое состояние, в порыве отчаяния застрелился в игорной зале в виду многочисленной публики, столпившейся вокруг рулетки. Замечательно, что печальное событие это не прервало даже хода игры, и выкликавший номера продолжал вертеть цилиндр с таким же хладнокровием, с каким приказал служителям вычистить зеленое поле стола, на который брызнул мозг из разможенной головы игрока».

С тех пор Достоевский читал все, что только было доступно ему, об этом фантастическом мире игры с его любимицами и неудачниками, теоретиками и философами рулетки, с прожигателями состояний и умельцами, живущими недурно только за счет небольших, но постоянных выигрышей.

В 62-м Достоевский не столько играл, сколько еще и наблюдал за играющими, следил за выпавшими номерами, пытаясь если не осмыслить, то хоть угадать в общих чертах тайну выигрыша, отыскать хоть какую-то закономерность в этой цепи случайностей — не может быть, чтобы тонкость ума и чутье человеческое не одолели грубость слепого случая, — убеждал он себя.

Конечно, не одна только дьявольская поэзия рулетки искушала его; тут усмехался и другой властный демон — миллион. О, не говорите о корысти. Корысть здесь на последнем месте, корысть — это десяток, ну сотня, несколько сот франков на роскошный обед, на любовницу, на что угодно, а миллион! — миллион — это идея... Корысть — это Краевский, литературный ростовщик и промышленник, хотя и накопил, пожалуй, не один миллион, но — годами грабя авторов, нещадно эксплуатируя мозг и талант сотрудников и писателей. Здесь, на рулетке, здесь, только представьте себе: мгновение — и вы одним махом, одним дерзким движением вырываете у судьбы то, на что тратят свои жизни порой целые поколения. Здесь — все либо уж ничего... Нужно только решиться, позволить себе переступить через страх риска — и... А с миллионом можно много сделать, и главное — свобода: от постоянной нужды писать из-за куска хлеба, вечной зависимости от кредиторов, ростовщиков, работодателей, потому что писать из-за денег невыносимо и физически, и нравственно».

Дмитрий ЛЕСНОЙ

Достоевский

Игроцкая жизнь великих

ТЕМУР КОСАБЕК

Ангел мой, не подумай как-нибудь, чтоб я и эти проиграл. Не оскорбляй меня уж до такой степени! Не думай обо мне так низко. Ведь я человек! Ведь есть же во мне хоть сколько-нибудь человеческого. Не вздумай как-нибудь, не доверяя мне, сама приехать ко мне. Эта недоверчивость к тому, что я и приеду — убьет меня. Честное тебе слово даю, что тотчас поеду, несмотря ни на что...

(Воскресенье 6 октября 1867. Saxon les Bains. 7,5 часов вечера.)

...Аня, милая, я хуже чем скот! Вчера к десяти часам вечера был в чистом выигрыше 1300 фр. Сегодня — ни копейки. Все! Все проиграл! И все оттого, что подлец Лейтел Hotel des Bains не разбудил, как я приказывал, чтоб ехать в 11 часов в Женеву. Я проспал до половины двенадцатого. Нечего было делать, надо было отправиться в 5 часов, я пошел в 2 часа на рулетку и — все, все проиграл...

(Saxon les Bains, Воскресенье 17 ноября 1867.)

...Ах голубчик, не надо меня и пускать к рулетке! Как только проснулся — сердце замирает, руки-ноги дрожат и холодеют. Приехал я сюда без четверти четыре и узнал, что рулетка до 5 часов. (Я думал, что до четырех). Стало быть, час оставался. Я побегал. С первых ставок спустил 50 франков, потом вдруг поднялся, не знаю насколько, не считал; затем пошел страшный проигрыш; почти до последков. И вдруг на самые последние деньги отыграл все мои 125 франков и, кроме того, в выигрыше на 110. Всего у меня теперь 235 франков. Аня, милая, я сильно было раздумывал послать тебе сто франков, но слишком ведь мало. Если бы по крайней мере 200. Зато даю тебе честное и великое слово, что вечером, с 8 часов до 11-ти, буду играть... благодарнейшим образом, кланусь тебе. Если же хоть что-нибудь прибавлю к выигрышу, то завтра же (несколько слов зачеркнуто) непременно пошлю тебе, а сам наверное приеду после завтра, то есть во вторник.

(Saxon les Bains, Воскресенье 18 ноября 1867. Понедельник)

...Аня, милая, бесценная моя, я все проиграл, все, все! О, ангел мой, не печалься и не беспокойся! Будь уверена, что теперь настанет, наконец, время, когда я буду достоин тебя и не буду более тебя обкрадывать, как скверный, гнусный вор! Теперь роман, один роман спасет нас, а если б ты знала, как я надеюсь на это! Будь уверена, что я достигну цели и заслужу твое уважение. Никогда, никогда я не буду больше играть...

...И потому умоляю тебя, Аня, мой ангел-спаситель: пришли мне, чтоб расплатиться в отеле, 50 франков. Если в среду, утром рано или завтра, во вторник, вечером успеешь послать, то я получу в среду вечером и в четверг, утром, или в 6-м часу вечера, буду у тебя.

(Saxon les Bains, Суббота 4 ноября 1868.)

...Милый мой ангел Нютя, я все проиграл, как приехал, в полчаса все и проиграл. Ну что я скажу тебе теперь, моему ангелу божьему, которого я так мучаю. Прости Аня, я тебе жизнь отравил!

...Пришли мне как можно больше денег. Не для игры (покаялся бы тебе, но не смею, потому что я тысячу раз тебе лгал)...

...Ангел мой, пришли 100 фр. У тебя останется 20 или меньше, заложу что-нибудь. Только бы мне поскорее к тебе!...

...Не считай, Аня, моего требования 100 франков сумасшествием. Я не сумасшедший! И порочным не считай тоже: не сподличаю, не обману, не пойду играть. Я только для верности спрашиваю...

Ангел Аня, вместо меня придет к тебе завтра, в 5 часов, это письмо...

...Я пошел играть в 8 часов — и все проиграл! У меня теперь те же 50 сантимо. Друг мой! Пусть это будет моим последним и окончательным уроком, да, урок ужасный!

...Не думай, о, не думай, мой ангел, что я из 100 франков, которые ты мне пришлешь, хоть один франк проиграю теперь!

(Висбаден, Пятница 28 апреля 1871 г.)

...Аня, ради Христа, ради Любы, ради всего нашего будущего не беспокойся, не волнуйся и почти письмо до конца, со вниманием. В конце увидишь, что в сущности беда не стоит такого отчаяния, а напротив есть нечто, что приобретается и будет гораздо дороже стоить, чем за него заплачено! Итак успокойся, ангел, и выслушай, дочитай. Ради Христа, не погуби себя.

Бесценная моя, друг мой вечный, ангел мой небесный, ты понимаешь, конечно — я все проиграл, все 30 талеров, которые ты прислала мне. Вспомни,